

Вера Зубарева

Как меня иллюстрировал Эрнст Неизвестный

9 августа, 2016. День с утра отливало скорбью, будто что-то отрывалось от жизни там, за кулисами восхода.

Все разрешилось известием о смерти Эрнста. В восемь утра его не стало. На вопрос, заданный мной его жене Ане: «Как ты?» – ответ последовал: «Каменная».

И сразу представилось, как со смертью Скульптора окаменевают его творения, полные жизни и мысли, каменеет дом, трава, деревья, небо... Каменеет он сам в ожидании последней дани скорбящих или вне ожиданий, смятений и привязанностей. Но ненадолго. Оцепенение не может победить движения.

Вдруг вспоминается, как Аня с Эрнстом спешили на службу в церковь, оставив меня в мастерской заканчивать просмотр рисунков для моей книги. Аня набросила на голову ажурный шарф и моментально преобразилась в одну из толстовских героинь.

– Анна Каренина, – невольно вырвалось у меня.

Эрнст бросил на нее быстрый взгляд, понял, что имелось в виду сходство с Самойловой в этой роли, улыбнулся и сказал:

– Аня Каренина.

С Эрнстом меня свели «Ангелы», и он стал их крестным отцом.

Используя как лекало зодиак,
Вывернутый звездами наружу,
Ангелы выкроили небо так,
Чтобы можно было сшить из него душу.

«Трактат об ангелах» ему передал наш общий знакомый, который сам с увлечением прочитал эту вещь. А через какое-то

время он сообщил, что Эрнст восторженно отнесся к «Трактату...», несколько раз прерывал чтение, звонил моему знакомому, зачитывал куски, делился впечатлениями и наконец попросил, чтобы я связалась с ним.

Я обрадовалась известию о том, что моя поэмка произвела впечатление, но что касается звонка, то к этому я была не готова. Вообще, обсуждать свое произведение, о котором в конце знаешь еще меньше, чем вначале, вещь рискованная. А уж обсуждать с таким собеседником, как Эрнст Неизвестный... У него явно столько ассоциаций, о которых я никогда и не думала. Перед моим мысленным взором замелькали корешки каких-то непрочитанных книг с богословскими теориями, и укоряющие взгляды классиков открыли мне бездну моего незнания. Нет, нет, ни за что не позвоню!

Тем временем мой знакомый диктовал мне номер телефона.

– Записала? Звони.

– Но...

Гудки в трубке.

Главное было набрать номер и представиться.

Три-четыре...

– Здравствуйте, это Вера Зубарева. Могу ли я погов...

– А, Вера! Здравствуйте! – стремительность приветствия отменяла мои раздумья по поводу того, что сказать дальше.

Эрнст тут же взял инициативу в свои руки. То, чего я боялась, было только в самом начале, и то недолго. После того как он понял, что я ни на кого из богословов или философов не опиралась в «Трактате...» и никакой концепции, кроме концепции Арона Каценелинбойгена о развивающемся Боге, не обыгрывала, он даже как будто обрадовался, и это освободило нас обоих от ярма ученой беседы. Он похвалил оригинальность замысла и воплощения, отметил чувство юмора, и мы перешли к следующей фазе нашего разговора.

Эрнст сразу понял, что направленность «Трактата...» игровая, и что здесь обсуждаются не богословские вопросы, а сознание современного человека, от имени которого все это написано. Это сознание, смешавшее в себе столько всего, и показалось ему чрезвычайно интересным и оригинальным. Суть нашего разгово-

ра сводилась к тому, что при чтении Эрнст обнаружил не просто сходство взглядов на многие вещи, занимавшие его в последнее время, но и сходство стилей.

– У меня есть альбом с графикой, над которым я работал именно в этом же ракурсе и практически в тот же период, когда писались «Ангелы», – сказал он, когда беседа коснулась вопроса издания «Трактата...» отдельной книгой.

Так родилась идея совместного проекта, издателя для которого еще только предстояло найти. В процессе обсуждения напряжение первых минут не просто исчезло, а перевоплотилось в дружески деятельное общение. Одной из удивительных особенностей Эрнста было его умение моментально строить отношения с людьми. Строить на равных, что важно. Он не выносил чванства, элитарности и тусовочности и считал это дурным тоном и признаком плебейства. Он не зависел от мнений, не примыкал ни к какому кругу, но многие, очень многие примыкали к нему. Он был исключительно доброжелателен к молодым и демократичен, но панибратства не допускал. Уважение – вот главный принцип, на котором он строил отношения. А если этот принцип нарушался, если вдруг начинались какие-то закулисные игры, то тут уж он превращался в Зевса.

В тот первый вечер нашего телефонного знакомства Эрнст говорил и о том, что иллюстрировать книги – последнее дело, что настоящая книга – это синтез искусств, где рисунок должен высветить неожиданную сторону текста и наоборот. Я соглашалась, помня теорию Эйзенштейна, и уже мысленно пыталась представить, как все будет выглядеть в книге.

– Ангелы ваши не существа с крылышками. Суть их другая. И вот эти вещи я и воплотил в графике, – подытожил он.

Мы договорились о встрече. Эрнст пригласил приехать к нему в студию и познакомиться с альбомами.

Я не заставила себя ждать. Через несколько дней я сидела в его студии, созерцая все те сокровища, о которых он говорил. Глаза у меня, прямо скажем, разбежались.

– Выбирайте, – сказал он, указывая на альбомы.

– Все, что пожелаю?

– Все, что пожелаете.

Рисунки и в самом деле настолько соответствовали духу «Трактата...», что позднее, когда вышла книга, все думали, будто Эрнст специально иллюстрировал ее.

Щедрость Эрнста была под стать щедрости его таланта. Я отобрала 50 рисунков. Даже проницательный Эрнст не ожидал таких appetitов от скромной поэтессы. Пока его помощник помогал снимать копии с отобранного, я призналась Эрнсту:

– А мне в школьном драмкружке дали читать стихи о вас.

– Вознесенского?

– Ну да. «Лейтенант Неизвестный Эрнст. / На тысячи верст кругом...»

– Ну и как, получилось?

Я видела, что его уже начал разбирать смех.

– Да не совсем.

– А что не получилось?

– Да строчка одна...

– Какая строчка?

– «В атаку – зовут – твою мать!»...

Эрнст уже еле сдерживается.

– А что именно не получилось?

– Я ведь была ученицей младших классов, мне лет 9-10 было, и я никак не могла понять, чью мать зовут в атаку, а потом решила, что это вашу мать призывают, и вы за ней отправляетесь. Так и прочла, как понимала. А наш новый худрук – молодой актер из ТЮЗа – постоянно вызывал меня на индивидуальные репетиции, и как только я доходила до этой строчки, он срочно выбегал из класса... Так мы репетировали, пока однажды не навестила нас директриса. На этом закончились и наши репетиции, и школьная карьера актера из ТЮЗа.

Я еле дошла до конца рассказа, потому что сама уже загибалась от смеха.

И могла ли я представить себе тогда, что однажды буду рассказывать эту историю Эрнсту?

А что касается матери Эрнста, то сыном он был нежнейшим. На одной из вечеринок, уж не помню, чему посвященной, присутствовала и величественная Белла Дижур. Он подвел меня к ней, сидевшей в кресле, как подводят к царице.

– Мама, это Вера Зубарева.

Она кивнула.

– Я вас сразу узнала.

И голос, и статья, и манера говорить – точь-в-точь как у Эрнста. В руках у нее были мои книги, подаренные Эрнсту при первой встрече. На обеих красовались мои портреты, по которым она и узнала меня. Она взяла «Ауру», вышедшую с предисловием Беллы Ахмадулиной, и стала с увлечением рассказывать, почему ей нравится моя поэзия, а в конце разговора выразила надежду на то, что наша совместная книга с Эрнстом найдет хорошего издателя. К тому времени ей было 90 или около того, но энтузиазм, с которым она включалась в беседу, превосходил мой собственный.

Эрнст не отходил от нее, пока ее не отвезли домой после торжественной части. Все это время он внимательно и почтительно слушал все, о чем она говорила, и мне даже в какой-то момент показалось, будто он примеряет ее возраст на себя, как бы желая разглядеть в ней себя в будущем.

Вернувшись в Филадельфию, я разложила драгоценные рисунки и стала тщательно продумывать каждую подпись, пытаюсь объединить словесный текст с графическим подтекстом. Когда все было готово, я отправила Эрнсту по факсу все 50 рисунков с подписями, чтобы он дал добро. Я тогда училась в докторантуре Пенсильванского университета, и во мне все еще жила робкая студентка (сознание перестраивается последним). Поэтому, когда я вновь набрала его номер, чтобы узнать мнение мэтра по поводу своего синтеза наших искусств, сердце мое трепетало. Но и этот экзамен я выдержала. Эрнст одобрил сделанное, и начался поиск издателя.

Книга нашла не только несколько хороших издателей, но и переводчиков на русский и английский. Она издавалась дважды – в Украине и Швейцарии. Последнее издательство – Rano Verlag – до того специализировалось на классической русской литературе в переводах. «Ангелы» стали первой ласточкой, и книга возымела успех, и получила много интересных отзывов в немецкой прессе. Одна из заметок в «Берлинском литературном критике» называлась «Убедительный синтез» (Überzeugende

Обложка книги «Трактат об ангелах»

Synthese). Значит, мне удалось убедить не только Эрнста, но и немецкую литературную общественность. Помимо всего, книга получила четыре диплома и приз на международной книжной ярмарке «Зеленая волна». Эрнст искренне радовался успехам нашего совместного проекта и хвалил оба издания. Совсем недавно «Трактат...» приземлился на страницы «Нового мира». Я успела сообщить Эрнсту об этой замечательной долгожданной новости.

Его всегда окружали молодые – это соответствовало его искрометному темпераменту и демократичному духу. Рассказчик он был великолепный. Помню, как-то мы заехали к нему с Арном Каценелинбойгеном. Об Ароне, профессоре в департаменте Уортона при Пенсильванском университете, ученике Канторо-

Эрнст Неизвестный и Арон Кацнелинбойген

вича, авторе многочисленных трудов по индетерминизму, покинувшем Москву в 1970-х, Эрнст знал, но с концепцией развивающегося Бога хотел ознакомиться, поскольку она была нова для него, а все новое особо притягивало его внимание. Он был жаден до новых идей, слушал их с особым вниманием, пытался вникнуть и сопоставить с тем, что он делает в искусстве. Познание никогда не сводилось для него к формальным знаниям, которыми щеголяют эрудиты. Все усвоенное он должен был пересотворить, перевоссоздать, перевоплотить. И Арон тоже очень чтит

Эрнст Неизвестный, Арон Каценелинбойген и Вера Зубарева

Эрнста, и рад был узнать, что «Трактат...» вызвал у него такой интерес. Я пообещала Эрнсту устроить встречу с Ароном, и вскоре они встретились. Говорили о многом и всеохватно – о России, Москве, истории, политике, вспоминали эпоху, в которой оба выросли. Это было неповторимым зрелищем – два неординарных человека, беседующих в окружении скульптур и набросков.

А потом Эрнст повел нас на второй этаж и показывал свои новые работы из цикла «Экклезиаст». Разговор менял свое русло, беспрестанно перетекая из религии в философию, из искусства в метафизику... Как жаль, что не удалось записать его! Осталось только впечатление от говорящих – спокойная мудрость слов Арона и зажигающиеся глаза Эрнста, моментально реагирующего на сказанное.

Все это будет длиться – в памяти, в пространстве его творческой вселенной, которая нескончаема, как нескончаем Эрнст.

США

